

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИИ теории архитектуры и градостроительства
Российской академии архитектуры и строительных наук

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО

Межвузовский сборник

К 1378281

Петрозаводск
2004

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Вазушкина

© *М. В. Тулькин*
(Петрозаводск)

СТРОИТЕЛЬСТВО ЧАСОВЕН В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРИХОДСКИЕ ТРАДИЦИИ (по материалам Олонецкой епархии)

Проблемам, связанным со строительством и предназначением часовен, посвящена довольно обширная литература. Прежде всего, это труды историков архитектуры, в которых рассматриваются конструктивные особенности этой разновидности храмов, принципы классифицирования церквей и часовен [9, с. 17—27], их убранство [12, с. 298—301; 5, с. 102-126]. Немаловажной составляющей исследования часовен стало выявление их генезиса и эволюции [8, с. 32—63]. Наконец, проблематика, связанная с часовнями, стала важной составной частью этнографических исследований [10, с. 237—263]. Автор данной статьи, отдавая должное предшественникам, все же стремился найти собственное понимание проблемы строительства часовен, доступное историку, не являющемуся ни этнографом, ни специалистом в сфере архитектуры. Так возникла идея статьи о законодательной регламентации строительства часовен, основных факторах, обусловивших появление законодательных актов о часовнях, противостоянии закона и приходских традиций.

В конце XVII в. православные часовни России обрели устойчивую связь со старообрядческим движением, превратились в один из наиболее значимых символов идеологии беспоповства. Старообрядцы Карелии отнюдь не были исключением: построенные ими часовни оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой сторонниками «древлего благочестия». Кроме того, в глазах предста-

вителей власти часовни ассоциировались с приходской автономией, а совершаемые в них обряды менее всего поддавались контролю. Оба эти мотива предопределили исключительно сложное, по большей части отрицательное, отношение духовной и светской власти к часовням и связанной с ними обрядности. В 1722 г. негативное восприятие часовен обрело форму закона: Синод принял указ о «разобрании всех существующих часовен и нестроении впредь новых» [7, № 606]. Отныне все усилия духовных и светских властей были направлены на радикальное сокращение количества часовен. Все прочие подробности жизни прихода, так или иначе связанные с часовнями, совершенно не интересовали власть предрежащих.

В царствование Екатерины I Синод разрешил моление в уцелевших часовнях, распорядившись, однако, надзирать за тем, чтобы не причинялось «святым церквам обиды и поругания» [13, № 959]. В 1734 г. произошел возврат к петровскому законодательству: Синод распорядился не строить новых часовен на месте старых, а имевшиеся оставить в прежнем состоянии, надеясь, очевидно, на их естественное разрушение [14, № 2804]. Такое компромиссное решение оставалось в силе в течение всего XVIII в. Оно повторено, в частности, в «Инструкции сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г., которым предписывалось новые часовни «строить не допускать, а кто тех селениев <...> силою своею строить таковые часовни отважится, о том вам в канцелярию рапортовать немедленно, а где сотни вашей в селениях ныне часовни имеются, об оных в первоподаваемых рапортах изъяснить, кем и когда и по чьему приказанию построены» [16, № 14231].

Сокращение числа часовен наносило существенный урон материальным интересам церкви и, что не менее важно, «укрепляло эсхатологические настроения населения» [2, с. 141]. В 1831 г. произошел ощутимый переворот в отношении Синода к строительству часовен. В марте 1831 г. высший орган церковного управления рассматривал представление олонецкого преосвященного «О существующих в Олонецкой епархии во множестве часовнях». Архиепископ в первые годы своей деятельности, сразу после воссоздания Олонецкой епархии, оценил значение часовен для религиозной жизни подведомственной ему территории, собрал подробные све-

дения обо всех имеющихся в епархии часовнях и привел их подробную классификацию.

По его мнению, часовни в Олонецкой епархии построены в связи с различными обстоятельствами. Во-первых, по случаю «каких-либо особенных событий в селениях, как то: по случаю скотского падежа, неурожая хлеба и пр.». Во-вторых, в связи с обнаружением чудотворных икон, «при каковых часовнях бывают в известные времена особенно многолюдные собрания и к коим <...> по большей части бывают и крестные ходы из приходских церквей». Третья разновидность часовен связана с погребальной обрядностью: «некоторые выстроены близ селений в местах, где издавна погребают тела усопших». К четвертой разновидности относятся те часовни, которые «находятся в самих селениях и выстроены для богомоления по весьма значительной отдаленности от приходских церквей». И наконец, епархиальный преосвященный отмечал существование таких часовен, которые появились без всякой причины («кои по существованию своему не имеют ни одной причины из вышеписанных») [15, № 360].

Архиерей предлагал дифференцировать ограничительные меры в отношении часовен. Безусловно, нельзя было, по его мнению, оставлять часовни «без починки», ожидая их разрушения, поскольку может пострадать «весьма значительное» часовенное имущество. Некоторые часовни архиерей предлагал перестроить в церкви «для того, чтобы церкви были чаще». В ряде случаев часовни построены в тяжелые времена и «служили напоминанием о промысле Божием, спасшем деревню от беды», с их исчезновением «терялось бы в народе чувство молитвенного упования на промысел Божий». Во многих часовнях вполне можно, по мнению преосвященного, сохранить традиционный порядок службы, но при том условии, чтобы «заведывание оными было священно- и церковнослужительское и церковным старостою через помощника ему того самого селения, где часовня». Полное разрушение часовен могло привести к сохранению в деревнях лишь «чисто домашней раскольнической службы, когда не будет общих собраний даже и в часовнях, где более или менее остается еще чувство к вере господствующей» [15, № 360].

Поддержанное Синодом представление олонецкого епископа стало своеобразным закреплением в законодательстве реально существующего отношения церковных властей и самих крестьян — строителей часовен к этой разновидности храмов. Репрессивные меры в отношении содержателей часовен использовались крайне редко. Как правило, в течение XVIII—XIX вв. разрушались те часовни, которые приобретали в глазах противников господствующей церкви особое, выдающееся значение. Если духовным властям становилось известно о существовании скрываемых от глаз начальства часовен, служащих местом сбора «раскольнических сонмов», то принимались решительные меры. Так, узнав из донесения священника о часовне с мощами местночтимых старообрядческих святых Киприана и Епифания, поклониться которым «многочудством» приходили и местные жители, и паломники из Сибири, новгородский и псковский губернатор Я. Е. Сиверс в 1774 г., судя по его рапорту в адрес Синода, распорядился отправить в Олонецкий уезд солдат. Часовня была уничтожена [22.1, л. 2].

В середине XIX в. произошло законодательное закрепление подобной практики. В соответствии с правовыми актами российского государства, содержащимися в Своде законов, «построившие или перестроившие часовню или молитвенный дом без разрешения духовного начальства подлежат суду, а самое здание — уничтожению» [6, с. 155]. В то же время существование тех часовен, которые были известны «с древних времен», представлялось духовным властям вполне приемлемым. Как говорилось в «Уставе духовных консисторий», «издревле построенные благочестивым усердием православных предков часовни <...> должны быть сохраняемы, а потому и возобновляемы быть могут» [3, с. 93]. Аналогичное отношение к строительству часовен сохранялось и в начале XX в.: «Устав строительный» предписывал епархиальным архиереям контролировать строительство часовен и позволять их возведение «по достойным уважения причинам» [19, с. 424]. Итак, исследование церковного законодательства показывает, что надзор за «никонианскими» часовнями в XVIII в. не был слишком придирчивым, а в XIX в. — постепенно смягчался.

Обратимся к делам, обнаруженным в архиве Олонецкой духовной консистории. В тех исключительных случаях, когда строительство новых часовен разрешалось, оно было связано с временными потребностями, а новоявленная часовня рассматривалась как филиал приходской церкви. В 1786 г., например, крестьяне деревни Тивдии Петрозаводского уезда подали в Синод прошение, в котором указывали, что «наперед сего» у них была часовня, которую они «по согласию всего общества разрыли» (что указывает на достаточно вольное, несмотря на законодательные ограничения, обращение с культовыми зданиями). Синод, посетовав на самоуправство крестьян, разрешил им, как видно из обнаруженного в деле указа, построить новую часовню, приняв во внимание традиционный аргумент — невозможность посещения расположенной в семи верстах церкви «как за удалением, так и за водами и распутами». Накопленное «от подаяний доброхотных людей», за исключением средств на покупку свечей и ладана, прихожане обязывались вносить в «приходскую свою церковь» [22.2, л. 1, об.].

Из других дел, посвященных данному вопросу, видно, что подход к проблеме строительства и содержания часовен, скорее всего, был дифференцированным. Важно отметить, что конкретные решения, исходя из обстоятельств, принимали местные духовные власти на самом низшем уровне. Никаких признаков того, что при этом учитывались законодательные решения, не отмечается. Общей закономерностью было следующее. В XVIII в. строить часовни разрешалось в тех местах, жители которых не могли регулярно посещать церковь. Например, в приказе поповского старосты Лопских погостов, адресованном в 1766 г. священнику Федору Космину, «накрепко запрещалось» служить в часовнях, расположенных в Тунгудском стане и в Машезере. В то же время часовни в Березове наволоке и в Кевять-озере поповский староста разрешал посещать, поскольку эти населенные пункты «от приходской нашей церкви имеются в дальней росстоянии и роспутою» [21.3, л. 29]. Аналогичным образом был решен вопрос, возникший в связи с прошением, направленным в 1793 г. в консисторию от часовенного старосты Митрофана Федорова и мирского старосты Самойлы Никитина «с мирскими людьми» «о пристройки при сто-

яшей в их Уножской волости (Колодозерский приход Пудожского уезда. — М. П.) в деревни Лукострове часовни во имя пророка Илии алтаря и о бытии той часовни церковию». Часовню крестьянам, как видно из указа консистории, иметь разрешалось. Церковь же строить позволено не было и велено «относиться в требах к той церкви, к которой приписаны» [20.1, л. 52, об.]. Явно в обоих случаях духовные власти, оказавшись перед выбором: разрешить строить и ремонтировать часовни или вовсе лишить крестьян доступа в православный храм, предпочли все же первый путь.

Помимо давления обстоятельств повседневной церковной жизни, невозможность административного нажима на строителей часовен была связана с ограниченностью контроля, который отнюдь не был повсеместным. Имеющиеся источники позволяют утверждать, что духовные власти не располагали полной информацией о строительстве часовен и создаваемых при них приходах. В 1795 г. благочинный Ефим Иванов, как видно из его рапорта в Петрозаводское духовное правление, объезжая приходы «для разных казенных исполнений», обнаружил пять часовен, при которых «в противность законов» хоронили умерших. Зная о том, что отношение к погребению при часовнях в разных приходах было различным, Ефим Иванов не мог утверждать: «сами ли собою вышеписанных деревень крестьяне погребение чинят самовольно, или с позволения приходских священников» [21.5, л. 1].

Примечательно, что приходское духовенство довольно часто распоряжалось о строительстве или реконструкции часовен по собственной инициативе и вопреки требованиям закона. Так, в 1811 г. в Новгородской духовной консистории рассматривалось дело о покрытии новым тесом одной из часовен, расположенных в приходе Олонецкого Николаевского собора. В ходе следствия выяснилось, что часовня «возобновлена» за счет сумм, незаконно выделенных из часовенной казны, которая по существующим правилам должна целиком передаваться в казну собора [21.9, л. 1]. Аналогичное дело рассматривалось Олонецкой духовной консисторией в 1871 г. Священник Кенозерского прихода был обвинен в освящении незаконно построенной часовни. При рассмотрении дела консистория ссылалась на указ Синода, датированный 25 ав-

густа 1865 г., в котором духовным консисториям предписывалось «делать окончательные постановления об уничтожении или об оставлении тех часовен, которые оказались бы построенными или перестроенными без разрешения духовного начальства» [21.4, л. 11, об.—13]. В обоих случаях дело расследовалось дополнительно, и результат остается неясным.

Напротив, случаи, когда приходское духовенство или даже церковные власти в вопросе о строительстве часовен следовали букве закона, крайне редки. Вполне вероятно, что представители местной духовной власти стремились в данном случае избежать обвинений в ослаблении бдительности. Примеры противодействия строительству часовен сохранились среди дел Олонецкой духовной консистории, которая в 1793 г. запретила строительство часовен близ деревень Кичаковской и Росляковской. При этом в указе подчеркивалось, что «ежели кто дерзостию своею где начнет часовню строить и построит, и кто до оного строения допустит, с таковыми людьми велено поступать как с преступниками по силе указов» [21.15, л. 4]. Такое распоряжение прозвучало несомненным диссонансом на фоне всех других решений о строительстве часовен: в большинстве случаев жизнь подталкивала к компромиссу как местное духовенство, так и Синод.

В условиях, сложившихся в XIX в., местная власть смогла получить важное преимущество в сдерживании инициативы прихожан благодаря требованиям «Устава строительного», изданного в 1857 г. Этот документ предписывал строить и «возобновлять» часовни «по планам и фасадам, утвержденным где следует» [19, с. 424]. Материалы делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывают, что это предписание неукоснительно выполнялось. Так, в 1879 г. Олонецкая духовная консистория обратилась в строительное отделение при Олонецком губернском правлении с просьбой утвердить план и смету на строительство часовни в Вешкельском приходе. При этом консистория указывала, что часовня строится на месте «прежней церкви, построенной в 1654 году и за ветхостию назначенной к срытию» [21.1, л. 3-3, об.]. В дальнейшем составление плана и сметы перед началом строительства или реконструкции часовни стало обычным делом [21.2, л. 1].

Со своей стороны, у крестьян были достаточно веские основания вновь и вновь обращаться в органы власти различных уровней с прошениями о строительстве часовен, пытаясь преодолеть существующие и вновь возникающие препоны. Это, как подчеркивалось выше, огромные размеры приходов и, следовательно, трудности, особенно остро ощутимые при провозе к церкви умерших. (Полный отказ от православных обрядов крестьяне, тем не менее, не допускали.) Другой фактор — традиция, в соответствии с которой строительство часовни велось в память о каком-либо знаменательном событии в жизни деревни. Так, в Толвуйском приходе Петрозаводского уезда в деревне Боровской крестьяне в 1791 г. построили часовню «по случаю избавления от скотского падежа» [11, с. 15]. Самовольное возведение часовен такого рода пресекалось в начале XIX в. Так, в 1809 г. новгородский митрополит запретил крестьянам Заднедубровского прихода Каргопольского уезда строить часовни во имя Животворящего Креста Господня и преподобного Макария в память об избавлении от эпизоотии («скотского падежа»). Митрополит рассудил, что «не обещания часовни строить услышаны от Бога, а при покаянии вознесенные к нему молитвы и обещание жить добродетельно и православно» [21.6, л. 1—1, об.].

Ссылки на затруднения при исполнении обрядов также далеко не всегда обеспечивали успех крестьянским прошениям. Так, в 1820 г. крестьяне Водлозерской Ильинской волости обратились в Новгородскую духовную консисторию с просьбой разрешить строительство часовни взамен «по случаю несчастному згоревшей». В качестве аргумента в пользу строительства в прошении, составленном крестьянами, указывалось на затруднения при посещении приходской церкви: «деревни состоят от приходской церкви в пяти верстах, со всех сторон окружены водами, почему в вешнее и осеннее времена за распутием, а в летнее иногда за сильными погодами, в приходскую церковь для богомоления по рачению прихожанам притти не можно». Консистория распорядилась и в данном случае «вовсе отказать прихожанам, ссылаясь на указ 1734 гг., категорически запрещающий строить часовни [21.10, л. 2].

В 1837 г. аналогичное распоряжение консистории получили крестьяне Гимольского прихода, самовольно построившие православную часовню в деревне Калюшиной (Ключиной) Горе: возведенная ими часовня во имя Кирика и Иулитты была разобрана [21.14, л. 6]. Сходное распоряжение получил благочестивый крестьянин Каргопольского уезда, намерения которого вполне укладывались в рамки существующей традиции. В 1807 г. он обратился к епископу с просьбой разрешить построить часовню «за благополучное сохранение покровом пресвятой Богородицы от падежа дому моего скота», но получил отказ со ссылкой на распоряжение Синода о запрете строить часовни [21.8, л. 1].

В дальнейшем, как сказано выше, запреты преодолевались благодаря настойчивости прихожан и смягчению позиции епархиального архиерея: часовни получили право на существование. Во-первых, в ряде случаев часовни сохраняли свое архаическое значение предшественниц церкви, и строительство часовен по этой причине приобретало дополнительное оправдание. В цитированном выше представлении олонецкого епархиального архиерея, в частности, отмечалось: «Есть пространные (часовни. — М. П.), с хорошими иконостасами, с книгами и колокольнями, так что, при весьма небольшой издержке, может быть исправление часовни в церковь сделано». Например, в 1803 г., при существовании законодательного запрета на строительство часовен, было сделано исключение для прихожан Ковежского прихода Каргопольского уезда, которые обратились к епархиальному преосвященному с просьбой о построении часовни «по случаю згорения в том приходе церкви». Аргументом, как и всегда в подобных случаях, послужила необходимость совершения «хотя малых мирских треб, как то: крещение младенцев, отпевание усопших» [21.6, л. 1].

Во-вторых, внимательный анализ материалов делопроизводства Олонецкой духовной консистории показывает, что главным аргументом в пользу строительства часовен для консистории стала экономическая выгода: возможность создания еще одного центра свечной торговли, приносящей церкви ощутимый доход. Именно это предназначение часовни позволяло преодолеть существующие запреты, а в конечном итоге, вероятно, способствовало

сохранению часовен как особой разновидности храмов. В 1824 г. Новгородская духовная консистория, явно отказываясь от своей принципиальной позиции, разрешила возведение часовни близ Предтеченской церкви в г. Каргополе. Основным аргументом при строительстве стало намерение «усердствующих граждан» соорудить часовню «для жительства и продажи свеч церковному сторожу» [21.11, л. 7]. Наоборот, не приносящие дохода часовни упразднялись. Так, в 1837 г. Олонецкая духовная консистория, рассмотрев дело о «весьма обветшавшей» часовне, расположенной в Воезерском приходе, приняла решение о ее уничтожении «по незначительности поступающих в нее доходов» [21.13, л. 1].

Забота духовных властей о сохранении часовен как источника пополнения казны приходской церкви проявилась также в беспокойстве духовной консистории по поводу того, каким образом организован учет находящегося в часовнях имущества и поступающих приношений. В 1830-е гг. в документах консистории появляются данные о привлечении церковных старост на часовенные праздники, во время которых часовни получали наиболее обильные приношения. Старосты собирали деньги, делали соответствующие записи в приходно-расходных книгах и возвращались к исполнению своих основных обязанностей [21.16, л. 4—6]. Но и после этих мер в делах духовного ведомства отмечалось, что в некоторых приходах Олонецкой епархии сохраняется своеобразный «часовенный сепаратизм»: «приметно, что на часовни в принадлежности их к церквям не довольно обращают внимания (духовные власти. — М. П.), оставляя часовни как бы в заведывании местных крестьян, отчего в сих последних иногда зарождается приверженность к своей часовне, с оставлением приходской церкви, а церкви несут ущерб, как по части усердия взносов, так и по части усердия ко всем христианским обязанностям, в церкви исполняемым» [21.17, л. 1].

Таким образом, возведение часовни, как говорилось выше, было связано с исполнением обрядов (главным образом — погребения) в тех деревнях, которые располагались слишком далеко от церкви, или в тех приходах, где влияние старообрядчества приводило к полному отказу от исполнения обрядов приходским духо-

венством. Заметим, что существование значительной части часовен в XVIII—XIX вв. становилось возможным именно благодаря находящимся при них кладбищам. Как пишет Т. Б. Щепанская, «святые места» довольно часто были «помечены знаками смерти» [18, с. 131], «знаками смерти помечались не только святыи места и люди, связанные с ними, но и средства, продукты, вещи, передаваемые в эту систему» [18, с. 133]. Предназначение территории, прилегающей к часовне, как места погребения осознавалось и приходским духовенством. Правда, в Олонецкой епархии такого рода воззрения становились источником конфликтов. Например, в 1823 г. крестьяне Лумбозерской трети Паданского прихода не допустили священника в расположенную при старообрядческом кладбище часовню, где он намеревался совершить погребальный обряд, «отзываясь, что у них часовня по старообрядчеству, <...> а если могут, то пусть идут в часовню и разломают дверь». Примечательно, что в данном случае в отношении «раскольников» не были применены репрессивные меры. Наоборот, Олонецкое губернское правление распорядилось «сделать повсеместное священникам воспрещение, чтобы они не делали никакого раскольникам притязания» [21.10, л. 2].

В ряде случаев часовня становилась центром местных праздников, судить о которых мы можем, в частности, на основании довольно незначительных по объему и чрезвычайно туманных свидетельств представителей местных духовных властей. Так, в 1824 г. в Лекшмозерском приходе Каргопольского уезда был обнаружен «деревянный крест, обрубленный на манер часовни», к которому регулярно приходило «немалое количество народа для богомоления», а также поступали деньги, холст «и прочее». Все дары хранились в доме одного из крестьян. О характере обрядов, совершаемых близ креста, сведений не сохранилось. Но внешний облик этой местнотимой святыни послужил достаточным основанием для принятия репрессивных мер. «Самовольно построенный крестьянами крест, обрубленный на манер часовни», был «разобран», а хранящиеся в домах у крестьян подношения переданы в ближайшую церковь [21.12, л. 4].

Этнографические исследования позволяют сделать более определенные выводы по рассматриваемому вопросу. По мнению

И. Ю. Винокуровой, большинство деревенских праздников у вепсов «посвящалось святым или событиям православной истории, в честь которых была построена деревенская часовня» [1, с. 109]. Поскольку, как говорилось выше, часовни довольно часто строились по случаю прекращения «скотского падежа», то сама часовня становилась центром праздника, связанного с окончанием эпизоотии. При этом «жители пригоняли скот к местной часовне, где приходской священник служил молебен и освящал воду в специально приготовленных чашах. <...> После совершения ритуала пастух выгонял скот на пастбище» [1, с. 110]. В некоторых случаях часовенные праздники сопровождались ритуальным пиром — поеданием «мирского» (вскормленного всем «миром») быка [17, с. 130]. В дальнейшем часовни такого рода оставались предметом почитания. Так, заонежане в случае эпизоотии ходили замаливать грехи в дер. Рим, «где стояла заветная, построенная по случаю скотского падежа за один день часовня Ильи Пророка» [4, с. 34].

Итоги длительных усилий, связанных со строительством часовен в Олонецкой епархии, отражены в статистических сведениях, составленных на основании отчетов петрозаводского полицмейстера и уездных исправников в 1910 г. Довольно многочисленными к этому времени стали городские часовни (что косвенно указывает на поддержку строительства часовен городскими властями и стремление горожан обзавестись этой разновидностью храмов). Так, в Петрозаводске, являвшемся центром епархии, располагалось 15 часовен, в Олонце — 3, в Лодейном Поле — 6, в Вытегре — 5, в Пудоже — 7, в Повенце — 5. Из всех городов Олонецкой епархии только в Каргополе к началу XX в. часовни отсутствовали. Еще более значительным было количество часовен в уездах — в сельских приходах Олонецкой епархии. Наибольшее количество — 350 часовен — располагалось в Петрозаводском уезде. За ним в порядке убывания следовали Вытегорский (271 часовня), Каргопольский (267 часовен), Пудожский (224 часовни), Лодейнопольский (212 часовен), Олонецкий (192 часовни), Повенецкий (170 часовен). Общее количество часовен в епархии к 1910 г. составило 1727, т. е. по 3 часовни на каждую приходскую церковь [21.18, л. 9, 27, 41, 65, 92, 117, 140, 158].

Таким образом, приходские традиции оказались, по крайней мере в вопросе о строительстве часовен, сильнее законодательных ограничений. Длительная борьба против строительства часовен, инициированная центральной властью, в XVIII в. оказалась малоэффективной из-за слабой исполнительной дисциплины, невозможности контроля за происходящим в глухих деревнях, двойного стандарта в отношении к старообрядческим часовням и часовням, построенным приверженцами официального православия. В дальнейшем, в начале XIX в., борьба против часовен и связанных с ними традиций приходской жизни продолжалась столь же безуспешно. Постепенно настойчивые прошения прихожан, с одной стороны, и лояльная по отношению к верующим позиция местных духовных властей — с другой, привели к ослаблению давления на строителей часовен. К середине XIX в. часовни были реабилитированы, и связанная с ними обрядность стала неотъемлемой частью религиозной жизни в Олонецкой епархии.

Список литературы и источников

1. Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.) / И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 1996.
2. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. / Н. Д. Зольникова. Новосибирск, 1990.
3. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями: Справочная книга / Я. Ивановский. СПб., 1883.
4. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.) / К. К. Логинов. СПб., 1993.
5. Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII—XIX вв. / Н. П. Лютикова // Русский Север: Аралы и культурные традиции. СПб., 1992.

6. Малютин Ф. Извлечение из Свода законов Российской империи узаконений, относящихся до духовного ведомства православного исповедания. (Издание 1857 г.) / Ф. Малютин. СПб., 1863.
7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1.
8. Орфинский В. П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития / В. П. Орфинский // Народное зодчество: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 1992.
9. Орфинский В. П. Особенности деревянного культового зодчества Карелии / В. П. Орфинский // Архитектурное наследство. М., 1983. Вып. 31.
10. Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А. А. Панченко. СПб., 1998.
11. П. И. П. Толвуйский приход / П. И. П. Петрозаводск, 1891.
12. Платонов В. Г. Часовня пророка Илии в деревне Шелтопорог и ее убранство (к вопросу о судьбах художественного наследия Выгоречии) / В. Г. Платонов // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998.
13. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1881. Т. 5.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1881. Т. 8.
15. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания. Царствование государя императора Николая I. СПб., 1915. Т. 1.
16. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19.
17. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. М., 1988.
18. Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) / Т. Б. Щепанская // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.
19. Устав строительный // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. Вып. 1.
20. Государственный архив Архангельской области:
20.1. Ф. 29. Оп. 9. Д. 147.

21. Национальный архив Республики Карелия:

- 21.1. Ф. 2. Оп. 50. Д. 19/5.
- 21.2. Ф. 2. Оп. 50. Д. 21/10.
- 21.3. Ф. 25. Оп. 15. Д. 1/1.
- 21.4. Ф. 25. Оп. 15. Д. 90/1930.
- 21.5. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/37.
- 21.6. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/7.
- 21.7. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/67.
- 21.8. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/24.
- 21.9. Ф. 25. Оп. 16. Д. 19/36.
- 21.10. Ф. 25. Оп. 16. Д. 29а/75.
- 21.11. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33/83.
- 21.12. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33а/102.
- 21.13. Ф. 25. Оп. 16. Д. 45/55.
- 21.14. Ф. 25. Оп. 16. Д. 46а/246.
- 21.15. Ф. 25. Оп. 19. Д. 2/18.
- 21.16. Ф. 25. Оп. 19. Д. 21/291.
- 21.17. Ф. 25. Оп. 19. Д. 39/30.
- 21.18. Ф. 27. Оп. 2. Д. 26/407

22. Российский государственный исторический архив:

- 22.1. Ф. 796. Оп. 55. Д. 425.
- 22.2. Ф. 796. Оп. 69. Д. 184.